

Информация для цитирования:

Чарина О. И. Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири : сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник» / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 285—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306.

Charina, O. I. (2023). Local Features of Ballads in Northeast Siberia: Plots of ‘The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law’ and ‘Prince Volkonsky and the Gatekeeper’. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 285-306. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306

**Локальные особенности
балладных песен
на Северо-Востоке Сибири:
сюжеты «Теща у зятя
в плену» и «Князь
Волконский и ключник»**

Чарина Ольга Иосифовна

orcid.org/0000-0002-9705-6806

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела фольклора и литературы
ochar@list.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Автор выражает благодарность
ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН
за возможность проведения
исследований на научном
оборудовании Центра

**Local Features of Ballads
in Northeast Siberia: Plots
of ‘The Mother-in-Law Held
Captive by Her Son-in-Law’
and ‘Prince Volkonsky
and the Gatekeeper’**

Olga I. Charina

orcid.org/0000-0002-9705-6806

PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Research, Department
of Folklore and Literature
ochar@list.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The author expresses gratitude
to the Center for the Collective Use
of the Shared core facilities
of the Federal Research Center
‘Yakutsk Science Center
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences’
for the opportunity to conduct research
on their scientific equipment

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья имеет целью уточнение особенностей жанра баллады в ряду других произведений на Северо-Востоке Сибири (в Якутии и в отдельном поселении в Магаданской области). Изучаются локальные особенности вариантов балладных песен, записанных от старожилов Северо-Востока Якутии. Источниковой базой послужили тексты, опубликованные в сборниках «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991). Здесь представлены балладные песни русских старожилов низовьев реки Индигирки и бассейна реки Кольмы. Также использованы записи Д. И. Меликова и В. Г. Богораз. Исследование проводится на основе описательного, сравнительно-сопоставительного методов, применяются некоторые приемы лексико-семантического анализа. Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, составляющих своеобразие эпической поэзии Северо-Востока Якутии, зафиксированной в XIX—XX веках. Охарактеризована специфика их бытования. Первые записи, сделанные в XIX веке, рассматриваются в сравнении с текстами баллад, которые были зафиксированы в XX веке. Специальное внимание уделено балладной песне «Теща у зятя в плену». Отмечается, что в этом фольклорном образце отражены некоторые исторические реалии, соотносимые с местностью бытования песни. Сообщается, что тексты баллад были утрачены к 70-м годам XX века.

Ключевые слова:

фольклорный текст; балладные песни; сюжеты песен; фольклорные мотивы; якутский фольклор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to clarify the characteristics of the ballad genre among other works in Northeast Siberia (in Yakutia and a separate settlement in the Magadan region). It examines the local features of ballad song variants recorded from long-time residents of Northeast Yakutia. The source materials used are texts published in the collections "Folklore of Russian Ustye" (1986) and "Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East" (1991). The article presents ballad songs of Russian settlers from the lower reaches of the Indigirka River and the Kolyma River basin. Recordings by D. I. Melikov and V. G. Bogoraz are also utilized. The study is conducted using descriptive and comparative methods, as well as some techniques of lexical-semantic analysis. The work continues the research related to specifying the repertoire, genre, and stylistic features that constitute the uniqueness of epic poetry in Northeast Yakutia recorded in the 19th-20th centuries. The specifics of their dissemination are characterized. The first recordings made in the 19th century are compared with ballad texts documented in the 20th century. Special attention is given to the ballad song "The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law." It is noted that this folklore specimen reflects certain historical realities related to the area where the song was circulated. It is reported that ballad texts were lost by the 1970s.

Key words:

folklore text; ballad songs; song plots; folklore motifs; Yakut folklore.

Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири: сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник»

© Чарина О. И., 2023

1. Введение = Introduction

Как только началось освоение северных территорий Российского государства (примерно с XVII века), русские первопроходцы (служивые люди, промышленники) начали заселять устья рек Индигирки, Колымы, Анадыри. Были основаны поселения в устьях рек Колымы и Индигирки, в местности вдоль правого притока Колымы — Анюя, где поселились русские арктические старожилы: походчане, русскоустыинцы, марковцы.

В настоящее время локальные фольклорные тексты активно изучаются, с тем чтобы определить степень традиционности сюжета или уточнить характер локальной специфики фольклорных материалов. Мы опираемся на утверждение Ю. И. Смирнова, который в этом отношении писал: «Сибирь по числу записанных русских эпических произведений и по числу зафиксированных сюжетов уступает только Русскому Северу» [РЭП, 1991, с. 44]. В этой связи считаем актуальным исследование локальной специфики, отразившейся в балладных песнях старожилов Северо-Востока Сибири.

Былины, исторические и балладные песни записывались во время работы экспедиций Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР в 1940, 1946 годах.

Целью настоящей работы является изучение вариантов балладных песен, записанных от старожилов Северо-Востока Якутии. Для анализа выбраны сюжеты, зафиксированные в нескольких местах бытования: в селе Русское Устье на Индигирке и в ряде поселений в бассейне реки Колымы: Нижнеколымск, Среднеколымск, Анюйск.

Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, отличающих эпическую поэзию Северо-Востока Якутии, зафиксированную в XIX—XX веках, см.: [Чарина, 2022, с. 320—333].

Новизну исследования составляет рассмотрение традиционных текстов балладных песен, изучение локальных особенностей, связанных с внедрением в привычный текст местных исторических реалий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы рассматриваем балладные песни, которые по своей жанровой природе примыкают к эпическим песням: былинам и историческим песням — и встречались в репертуаре русских старожилов Индигирки, бассейна Колымы.

Мы опирались на труды отечественных ученых. Так, основными для нас являются исследования В. Я. Проппа [Пропп, 1969]. В отношении методологических вопросов исследования баллад важны работы Б. Н. Путилова, Балашова, А. В. Кулагинной [Путилов, 1965; Балашов, 1966; Кулагина, 1977].

Одним из первых изданий, в котором опубликованы баллады, является сборник «Русская баллада» под редакцией В. И. Чернышева [Русская баллада ..., 1936].

Б. Н. Путилов детально рассматривал сюжетные направления, циклы балладных песен [Путилов, 1965]. Он полагал, что «героические эпические песни, исторические песни, предания и легенды и исторические баллады — это основные фольклорные жанры, в которых наиболее полно и сильно изображены жизнь и борьба народов, противостоявших поработителям» [Путилов, 1965, с. 4]. А. В. Кулагина определяла баллады как «эпические песни с семейно-бытовыми конфликтами» [Кулагина, 1977, с. 6]. А. Г. Игумнов в монографии «Поэтика русской исторической песни» представил результаты исследования сюжетов исторических песен с точки зрения общности фабульно-сюжетных основ [Игумнов, 2007, с. 130—154]. Изучая схожие фабулы былин, исторических песен, баллад, он пришел к выводу, что необходимо «найти компромисс между универсальностью выделяемых фабульных стереотипов и возможностью видеть их соотнесенность с историческими реалиями и теми качествами текстов, которые позволяют называть их художественными» [Игумнов, 2011, с. 19]. В работе А. Ю. Нешиной прослеживаются композиционные и стилевые характеристики старинных и новых балладных песен [Нешина, 2007].

Т. В. Краюшкина рассматривает образы иноплеменников в песенном фольклоре восточных славян Сибири и Дальнего Востока с уточнением проблемы межэтнических коммуникаций в традиционной культуре [Краюшкина, 2018, с. 7—19]. Локальные особенности бытования баллады на Пижме представлены в статье В. Ю. Семенца [Семенец, 2021, с. 368—374].

В методологическом плане важна работа Н. В. Покатиловой, посвященной изучению преданий в верхоанской фольклорной традиции [Покатилова, 2022, с. 100—109].

Продолжая разработку данной проблематики, мы проводим исследование на основе описательного, сравнительно-сопоставительного методов, применяются некоторые приемы лексико-семантического анализа.

Источниковой базой послужили сборники текстов «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991), где представлены не только былины и исторические песни русских старожилов Севера Якутии, но и балладные песни данного региона [ФРУ, 1986; РЭП, 1991].

Материалом исследования стали произведения эпического фольклора, собранные во время работы Сибиряковской экспедиции конца XIX века. На Колыме Д. И. Меликов, В. Г. Богораз зафиксировали балладные песни. Д. И. Меликов зафиксировал балладу в Среднеколымске в 1893 году от неизвестного исполнителя [Чарина, 2013, с. 432—434], В. Г. Богораз — от среднеколымчанки М. Олесовой в 1895 году [Богораз, 1901, с. 282—283]. В период работы этнографо-лингвистической экспедиции 1946 года в с. Русское Устье Н. А. Габышев записал балладные песни от С. П. Киселева, И. Ф. Голыженского [РЭП, 1991, с. 263—265]. Позже, в 1982 году, Т. С. Шенталинская фиксировала от Е. С. Киселева в Русском Устье, от Ф. А. Санталовой на Анное балладную песню «Турки-чукчи» [Там же, с. 207—208].

Далее посвятим внимание следующим текстам: «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник».

Варианты песни «Теща у зятя в плену» зафиксировали Т. С. Селюкова от И. Н. Налетовой в Нижнеколымске в 1961 году, И. А. Бродский-Богданов от А. И. Протопоповой в Нижнеколымске в 1971 году, а песню «Князь Волконский и ключник» записывали с конца XIX века по 1985 год на Колыме и Индигирке.

Известно, что с XVII века село Русское Устье на Северо-Востоке Якутии становится местом длительного бытования традиционной русской духовной культуры, поскольку обособленная жизнь русскоустынцев долгое время оставалась нетронутым самобытным явлением в окружении других этносов.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи эпического фольклора на Индигирке, указываются имена собирателей. Так, фиксации фольклора на Индигирке в конце XIX — начале XX веков осуществляли М. И. Меликов, В. Г. Богораз в рамках Сибиряковской экспедиции (1893—1896).

С. Н. Азбелев изучал былины, исторические песни, баллады Русского Устья и Колымы [Азбелев, 1982; ФРУ, 1986, с. 24—29]. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская собрали и опубликовали эпические произведения русских Северо-Востока Сибири [РЭП, 1991, с. 23—37; 48—56]. Важные результаты осмысления влияния иной фольклорной традиции обнаруживаются в трудах Р. Н. Базилишиной [Базилишина, 2000], Е. Л. Тихоновой

[Тихонова, 2018]. О влиянии аборигенной культуры на традиции русской культуры русскоустыинцев пишут В. Л. Кляус, С. В. Супряга [Кляус и др., 2006, с. 3—17]. Так, Т. С. Шенталинская, изучавшая музыкальный фольклорный материал Северо-Востока Сибири, говорила о том, что видит не только севернорусское влияние, но и родство с донской былиной [РЭП, 1991, с. 53—54].

Т. С. Шенталинская, Е. И. Якубовская проводят этномузыковедческие исследования русских фольклорных произведений, записанных В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, которые проводят [Шенталинская, 2016, с. 498—531; Якубовская, 2008, с. 181—246], раскрывая связи балладных песен, фиксировавшихся на Русском Севере, в иных местах бытования, а также — на Северо-Востоке Сибири.

Роль сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ранее — Институт языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР, затем — Институт языка, литературы и истории СО АН СССР) в изучении данной тематики определяется их участием в организованном полевом сборе материалов, а именно: в Северной экспедиции 1940 года, этнографо-лингвистической экспедиции под руководством Т. А. Шуб в 1946 году. Также в 1977 году в ходе подготовки академического издания «Фольклор Русского Устья» проводилась большая совместная экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, участниками которой были сотрудники обоих институтов, в том числе С. Н. Азбелев, Ю. Н. Дьяконова [ФРУ, 1986, с. 13]. В 1995 году Л. Н. Скрыбыкина издала монографию об особенностях бытования былин русского населения Северо-Востока Сибири [Скрыбыкина, 1995]. В 2000-е годы сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках совместных экспедиций продолжили изучение старожильческого фольклора на Северо-Востоке Сибири, в частности в Якутии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее в статье мы остановимся на некоторых локальных особенностях записанных в Якутии балладных песен. Так, баллада «Теща у зятя в плену» интересна в аспекте отражения местных реалий, а баллада «Князь Волконский и ключник» будет проанализирована в отношении ее образной системы.

3.1. Бытование балладных песен на Северо-Востоке Сибири

Множество балладных песен было опубликовано в сборнике «Фольклор Русского Устья». Известны баллады «На пиру були пьяны-веша-

ли», «Шумит, гремит мать Щура-река», «Еще есть у меня, у молодца», «У христианина богатого», «Во пятнадцатом году», «Взяла она зарезала любовника», «Еще ключница на ключника доказывает», «Олешенька брат Попович», «У богатого купца, у Сохрона молодца», «Ты, белиленька, белиленька, травка шелковая», «Из-за гор-че белогор, высоких гор», «Из-под камешка речка разливалась», «По широкому морю, по Хвалынскому», «Еще пал, братцы, туман на шинё морю», «Молодой казак со полку съезжает», «На роще зеленой пташки распевали», «Не с поля дует ветер, военный гром гремит», «На горе, горе петухи поют», «Двое храбрые героя», «Захотелось красной девице погуляти», «От грома, от шнегу два братца тут шли», «От грома, от шнегу два брата тут шли», «Сто на дубе на высоком, над широкою рекой» [ФРУ, 1986, с. 251—261]. В другом сборнике — «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» — представлены следующие сюжеты балладных песен: «Федор Колыщатой и Софья-волшебница», сестра», «Маринка-волшебница», «Угрозы девушки молодцу» [РЭП, 1991, с. 219—224; 225—226].

В качестве исполнителей песен указаны П. Н. Новгородов, С. П. Киселев, К. Рожин, И. Н. Чикачев, Е. С. Киселев, И. Н. Налетова [Там же, с. 206—208; 263—265].

Собирателями песен выступили Н. А. Габышев, Ю. И. Смирнов, Т. А. Селюкова, И. А. Бродский-Богданов, Т. С. Шенталинская [Там же].

Далее рассмотрим три варианта балладной песни «Теща у зятя в плену» и пять вариантов баллады «Князь Волконский и ключник».

3.2. Баллада «Теща у зятя в плену»: локальные особенности, характерные для фольклорной традиции Северо-Востока Сибири

Отметим, что «Теща у зятя в плену» — одна из самых вариативных баллад, имеющая широкую традицию бытования: она фиксировалась на территории всей России. Баллада относится к циклу исторических баллад: героиня попадает в турецкий (или татарский) плен и становится нянькой у своего внука. Б. Н. Путилов писал: «Подобно тому, как тексты одной баллады в пределах национального материала группируются по редакциям (что определяется степенью сюжетной близости между ними), так и различия и схождения между текстами, записанными у нескольких народов, могут иметь характер балладных редакций. Так, например, в песне «Теща в плену у зятя» выделяются редакции “украинско-польская” (“Чому куры не поете»), “украинско-русская” (“Ой по горах огні горять»), но, кроме них, есть также и редакции, известные только в русском, украинском и белорусском фольклоре. Чаще всего мы имеем дело с национальными редакциями баллад» [Путилов, 1965, с. 150].

Известен зачин песни:

Не шум шумит, не гром гремит;

Молодой турчак полон делит;

Теща зятю досталась — берет ее за рученочки,

Ведет ее к турчаночке, к полоняночке [Баллады ..., 2001, с. 43]:

В традиционных вариантах баллады сюжет развивается следующим образом: «молодой турчанин» привез жене «турчаночке, к полоняночке» «служаночку-полоняночку». Полонянка поет песню ребенку, из которой становится понятно, что ребенок — ее внук, а его мать — дочь пленной служанки. Мать ребенка предлагает матери «шубу соболиную», а затем — «везти матушку на святую Русь» [РНП, 1984, 282—283].

Есть варианты баллады, где дочь зовет мать-полонянку вместе «во зеленом саду виноград щипать» [Баллады ..., 2001, с. 43—44].

В Якутии и Магаданской области зафиксировано несколько вариантов. Балладная песня «Теща в плену у зятя», записанная Т. А. Селюковой от И. Н. Налетовой в 1962 году, имеет несколько спутанный сюжет, 15 стихов текста [РЭП, 1991, с. 206]:

Когда турки воевали землю русскую...

— Я привез тебе турчанку на работницу:

Ей вот белыма руками кудель прясти,

Ей резвыма ногами детей качать [РЭП, 1991, с. 206].

Из текста понятно, что во время войны в плену оказывается женщина-турчанка. Далее сообщается, что полонянка — это матушка хозяйки, а ребенок — ее внук. Бабушка качает внука и напевает:

Я тебе буду родна бабушка,

А твоей матери я — родна матушка [Там же].

Затем следует пропуск в тексте, и далее дочь просит:

— Ты бери-бери золоты ключи,

Ты беги-беги на святую Русь!

Ты прости-прости, моя матушка,

Тебе белыма руками не кудель прясти,

Тебе резвыма ногами не детей качать! [Там же].

Песня относится к «турецкой версии», — объяснил Ю. И. Смирнов, — но, «концовка совпадает с “татарской версией”», бытовавшей и под Москвой, и в Тульской губернии, и на Онеге, то есть это распространенный вариант [Там же, с. 401].

В варианте баллады получается, что пленил полонянку «турок», но при этом она названа «турчанкой», в последних же стихах вдруг упоминается, что дочь отправляет мать «на святую Русь», а это, видимо, означает, что мать и дочь — русские.

Следующий вариант песни «Теща у зятя в плену», записанный И. А. Бродским-Богдановым от А. И. Протопоповой в Нижнеколымске в 1973 году, насчитывает 13 стихов:

*Когда турки ваявали землю русская,
Тожна я быя, турчана, заваевана.
— Я привез тебе турчанку на работницу:
Неи резвыма нагами детей качать* [Там же, с. 207].

В целом этот вариант имеет сходство с представленным выше примером баллады [Там же, с. 206], повествование ведется от имени матушки-бабушки. Далее следует краткое повествование о пении колыбельной. В варианте, записанном от А. И. Протопоповой, нет общепринятой концовки, когда дочь предлагает матери спастись, здесь текст заканчивается словами:

*А твоей я родной матушке буду матушка,
А твоему ронному батюшке буду тешьюшка!* [Там же].

Также Ю. И. Смирнов привел пример баллады, которая фиксировалась на Анюе [РЭП, 1991, с. 207—208]. Как выяснилось, она явилась ярким примером отражения исторических событий, происшедших в данном месте. Мы видим в варианте баллады «Теща у зятя в плену» строки:

*Турки-чукчи воевали с аканым с копьем,
На делезне теща зятю доставалася ...
Вот привез он чукчанку на работницу,
Посадил он чукчанку возле пресника* [Там же, с. 207—208].

Вариант насчитывает всего 18 строк. Здесь: «На делезне» — на дележе, «пресник» — крестник.

Текст произведения приводится по записи, сделанной Т. С. Шенталинской в 1982 году от Ф. А. Санталовой, 53 лет, в пос. Анюйске Билибинского района Магаданской области, близ впадения правого притока Анюя в Колыму, примерно в 40 км от Нижнеколымска. Как видим, исполнительница опирается на события, которые имели место в данной местности. Ю. И. Смирнов писал, в частности, об этих событиях: «Заимка Погромная находилась на левом берегу Колымы, примерно в 3 км ниже Нижнеколымска. Ее название, как и названия ряда других урочищ и речек (Убиенная, Кровавая, Дуванное и др.), местные жители связывают с порою военных столкновений с чукчами. Как известно, около 1770 года русские были вынуждены сжечь острог на Анадыре и отойти на Колыму и на побережье Охотского моря» [РЭП, 1991, с. 401]. Подобные же предания слышал на нижней Колыме осенью 1940 года якутский фольклорист С. И. Боло и изложил их в собственном пересказе в полевой тетради. Здесь — редкий случай «попытки местной адаптации традиционного эпического произведения» [Там же, с. 401].

Д. И. Меликов в свою очередь писал по поводу местной песни: «Ах ты, чукотский народ»: «Песня, по объяснению Соковикова, составлена еще Павлуцким, который приходил в Нижнеколымск пятисотенным отрядом, его помощник Кривогорницын». Далее сообщается, что Павлуцкий погиб от стрелы. Чукчей было гораздо больше [Чарина, 2013, с. 436]. Таким образом, песня никак не могла быть «составлена» Павлуцким.

Т. В. Краюшкина пишет по поводу иноплеменников, которые выступают в качестве персонажей баллады: «В другом тексте говорится о том, что “люди ни паверят нам” (в принадлежности ребенка русскому народу).

В некоторых балладах на этот сюжет возникает сменная идентификация этноса: русская полонянка-теща причисляет себя к представителям народа, к которому принадлежит ее зять-похититель:

*Когда турки ваявали землю русскую,
Тожна я быя, турчанка, заваевана* [Там же, с. 207].

И в другом тексте ситуация повторяется: чукчи делят добычу, теща достается зятю. При этом смена идентификации приписывается не героине, а вкладывается в уста исполнителя песни:

*Вот привез он чукчанку на работницу,
Посадил он чукчанку возле пресника*
[Исторические песни, 1991, с. 208].

Дочь помогает матери сбежать из плена, но сама остается с мужем и ребенком (или просит мужа наградить его мать золотой казной и отпустить на Святую Русь). Отражение негативного опыта контактов русских с другими народами в балладах имеет свою специфику: в песне, посвященной пленению русской женщины, татары заменяются на киргизов, турок, даже “турок-чук” (этноним возникает в результате гибридизации фольклорного опыта и опыта реальных контактов с коренными народами Дальнего Востока России)» [Краюшкина, 2016, с. 10—11].

Далее, как сообщает исследователь Т. В. Краюшкина, в варианте баллады, зафиксированном на Анюе, оказывается, что в плен взята чукчанка: «Горько плачет она да приговариват, Да качает она все за пресничком» [РЭП, 1991, с.208].

Затем в этом варианте муж с женой просят прощения у полонянки:

— *Ты прости, ты прости да мать родная!*
— *Не прощу ни за что, ты убей меня,*
Ты убил сына там, на Погромную,
Ты сажог мужа там, на Погромную!
И давали они да золоты ключи.
Не брала, не золотых ключей,

*Призывала к себе только пресника,
А второго к себе в ноги крепко (в)жяла* [РЭП, 1991, с. 208].

Интересен образ «золотых ключей», который появляется вместо «золотой казны», он фиксировался в двух вариантах баллады на Колыме и Аное [РЭП, 1991, с. 206, 208].

Этот образ встречается в свадебной лирике походчан: *«Вот тебе, батюшка, золоты ключи»* [Богораз, 1901, с. 228], *«Што, Михайло-свет Иванович, золоты ключи»* [Там же, с. 238]. Он символизирует передачу девушки от батюшки жениху.

Возможно, вариант песни о пленнице-чукчанке был создан женщиной-певицей на основе баллады о полонянке и одновременно с обращением к историческим событиям на Колыме и с привлечением образов, встречающихся в свадебной лирике.

Как видим, концовка варианта несколько смазана: мать-полонянка выступает как чукчанка. Вместе с тем она высказывает претензии дочери и зятю. Выясняется, в частности, что ее родные муж и сын погибли «на Погромную» [Там же].

А в последних стихах, после того, как ее дочь и зять дают ей «золоты ключи», сообщается, что пленница, отказавшись от подарка, *«Призывала к себе только пресника, А второго к себе в ноги крепко (в)жяла»* [Там же].

Возможно, здесь речь идет о втором ребенке, однако в такой трактовке нет уверенности. Интерпретация последней строки затруднительна, поскольку сюжетный поворот неясен, а также можно предполагать здесь устойчивое выражение, хотя подобные фразеологизмы не встретились нам в известных словарях [Даль, т. 1—2; Богораз, 1901; Дружинина, 2013].

Следует отметить, что баллада, локальный характер которой очевиден, не несет следов влияния языков соседних этносов, хотя в исторической песне «Скопин просит помощи у шведского короля» встречается якутизм *юрта* [РЭП, 1991, с. 128].

Таким образом, можно считать доказанным, что три записи баллады на Колыме и Аное имеют определенное родство. Если в первых двух вариантах ясно, что полонянка — русская, то в третьем варианте она — чукчанка. Т. С. Шенталинская указывает на то, что «записанный материал позволяет сделать вывод о близости эпических традиций в селениях на Индигирке и Колыме, а возможно, и о их единстве» [РЭП, 1991, с. 52].

Также очевидно, что исполнительница варианта баллады, записанного на Аное, не являлась создателем этого варианта. Видимо, песня звучала в семье, возможно, представитель семьи создал данный вариант баллады, в котором нашли отражение события XVIII века, с тех пор это произведение закрепились в поколениях.

3.3. Семейно-бытовая баллада «Князь Волконский и ключник» в вариантах, бытовавших на Северо-Востоке Якутии: образная система

Исследователи рассматривают балладу «Князь Волконский и ключник» с учетом того, что существовало два типа развития сюжета: старый и новый, появившийся в связи с проникновением в устную традицию стихотворения Вс. В. Крестовского (1861). Так, А. Ю. Нешина пишет: «Баллада “Ванька-ключник” имеет уникальную судьбу. Стихотворение В. В. Крестовского, написанное по мотивам традиционной баллады, подарило этому сюжету вторую жизнь и способствовало ещё более широкому распространению этого популярного произведения. Автор полностью сохранил сюжетную основу “Князя Волконского и Вани-ключника”, сократил одни и расширил другие элементы, сопроводив их стилистическими заменами» [Нешина, 2007, с. 11]. В. Ю. Семенец анализирует локальные записи баллады «Князь Волконский и Ванька-ключник», сделанные на р. Пижма [Семенец, 2022, с. 368—374].

В некоторых вариантах баллада имела развернутый сюжет:

*Как во городе было во каменной Москве,
Как во улочке было во Дмитровской,
Жил тут, поживал тут батюшка Волхонский князь
Со своей ли то верно со княгинею.
Жил тут, поживал тут Ванюшка-ключник.*

[Баллады ..., 2001, с. 348—349].

Здесь произведение насчитывает 54 стиха. В этом варианте, зафиксированном в Новгородской губернии, князь, все узнав от «сенной девчонки», решает расправиться с ключником сурово: «положить переводы дубовые, повесить две петли шелковые, сделать крючья золоченые, три ступени золоченые, все покрыть черным сукном» [Там же]. Он не разрешает ключнику спеть или «на рожке сыграть». Ключник погибает, а княгинюшка «от тоски померла» [Там же].

В других вариантах также подробно описываются гнев князя, костюм ключника, гибель ключника и княгини.

В вариантах, бытовавших на Северо-Востоке Якутии, было зафиксировано старое балладное произведение. Так, Д. И. Меликов приводит вариант, зафиксированный на Колыме, насчитывающий 53 стиха. Здесь присутствуют практически все эпизоды, из которых составлен первоначальный вариант песни:

*Как живет молодой ключничек у князя,
Да с ключницей* [Чарина, 2013, с. 432—434].

Далее ключница сообщает князю «о злой невзгодушке», князь «воспалился», вызвал «младого ключничека», тот смело держится на допросе. Князь сообщает:

— Я срублю тебе палату семиугольную,
Перекладинку положу я сосновенькую,
Я повешу тебе петельку шелковенькую [Там же, с. 433].

Ключник убедил палачей провести его под окнами княгинюшки, далее ключник погибает, молодая «княгиня <...> на три ножичка булатных да бросается», а «ключница по ключнику убивается» [Там же, с. 434].

В данном варианте много внимания уделяется ключнице, имевшей виды на ключника.

Другой вариант, зафиксированный В. Г. Богоразом на Колыме, насчитывает 51 стих, имеет некоторые отличия. Вот зачин баллады:

Ключница на ключника в доказ пошла:
— Ах ты гой еси, наш батюшко, Волконский князь!
Ты не знаешь над собой злу невзгодушку! [Богораз, 1901, с. 282—283].

Князь требует ключника для ответа, ключник держится смело, князь готовит «палату семиугольную», «столбики дубовенькие», «перекладинку сосновенькую», «петельку шелковенькую» [Там же, с. 283].

Ключник смог убедить «палачей» провести его под окнами княгинюшки». Песня заканчивается гибелью ключника и княгинюшки, князь сетует:

— Уж чего тебе було, ключнице доказувати?
Я когда-нибудь бу сам доведася [Там же].

Этот вариант баллады отличается тем, что ключница, ключник обращаются к князю с восклицанием «Ах ты гой еси!», что говорит о связи этого варианта с былинами; например, это восклицание встречается в записи былины об Илье Муромце «Уж ты ой еси, русские богатыри», которая бытовала в Архангельской губернии [Былины ..., 1988, с. 199].

Вариант баллады «Князь Волгинский и ключник», исполненный И. Ф. Голыженским на Русской Протоке, составляет 28 стихов:

Еще ключница на ключника доказывает:
— Он с княгиней пьет и ест, прохладается.
Созывает ключника Волгинский князь [РЭП, 1991, с. 264—265].

Другой вариант, записанный в Русском Устье, отличается тем, что содержит много деталей, подробностей в описании. Исполнил его известный сказочник и исполнитель песен С. П. Киселев:

Еще ключница на ключника доказывает:
— Как живет-то, живет ключничок с княгинюшкой
[Там же, с. 263—264].

Далее следуют известные мотивы: ключник является к князю, смело отвечает князю, князь грозит казнить ключника, проходит казнь, княгиня погибает. Князь сожалеет о содеянном:

Прослезился наш надежушка военный князь:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,

А княгинюшку-душу во крепе держать! [Там же].

В данном варианте фамилия *Волконский* в целом утрачена. Вместо ее князь предстает как «военный князь» [Там же].

В русскоустыинских вариантах баллады князь «состроит палату семиугольную, положит перекладинку сосновую, повесит на петельке шелковой» [РЭП, 1991, с. 263—264].

В Русском Устье, по-видимому, бытовал тот вариант, который фиксировался в Нижнеколымске.

Относительно этой баллады Б. Н. Путилов писал, что «есть тексты, заканчивающиеся тем, что князь раскаивается в содеянном» [РНП, с. 424]. В свою очередь, Ю. И. Смирнов вообще считал, что «только в индигирских вариантах звучит своеобразное сожаление князя по поводу случившегося (№ 145, ст. 42—43; № 146, ст. 27—28)» [РЭП, 1991, с. 415].

Таким образом, особенности данной балладной песни на Северо-Востоке Якутии заключаются в явных связях вариантов, фиксировавшихся на Колыме и Индигирке, а также с показом широкого спектра переживаний героев баллады: сожаление князя, горе княгинюшки, стойкость ключника, переживания ключницы.

3.4. Основные образы балладных песен

Персонажи балладной песни «Теща у зятя в плену», которая бытовала на Колыме, представлены весьма схематично, условно. Их образы почти не развернуты. Все персонажи наиболее ярко проявляют себя в диалогах, либо их характеризует рассказчик-исполнитель через незначительные детали [РЭП, 1991, с. 207—208].

Во второй песне, которую мы рассматриваем, «Князь Волконский и ключник», главным персонажем, безусловно, является Ванька-ключник. Образ, который сложился в вариантах песни на Колыме, отличается тем, что он верный любовник, хороший товарищ. Так, он смог убедить ведущих его на казнь солдат провести его мимо «княжеского дома» [Там же, с. 263]. Следует отметить, что нигде не встретилось имя ключника, а собиратели именем *Ванька-ключник* отмечали связь текста собираемого материала с известным сюжетом.

Как писала А. В. Кулагина, «для обрисовки персонажа баллада почти никогда не прибегает к портрету» [Кулагина, 1986, с. 87]. Из всех деталей внешности ключника в меликовском варианте, записанном на Колыме, показана только прическа героя: *Русы кудри его не ворохнутя* [Чарина, 2013, с. 433].

В записи Богораза некоторые детали внешности ключника охарактеризованы в сцене допроса, и затем они полностью точно воспроизводятся в эпизоде перед казнью:

Его русыя кудри не ворохнутся,

На нем цветное платьице не погнется [Богораз, 1901, с. 282—283].

Если здесь подчеркивается неколебимость и удалость сознавшегося ключника через маркеры неподвижности, неизменности состояния (волосы и одежда словно застыли), то в русскоустыинском варианте, записанном от Киселева, находим описание деталей развевающейся одежды:

Голубой его кафтан да раздувается,

Голубая его лента машется [РЭП, 1991, с. 263].

В другом русскоустыинском варианте, записанном от Голыженского, обнаруживается сочетание семантики неподвижности и движения при описании внешности (лица и одежды):

Его белое лико не изменится,

Голубой его кафтан раздувается,

Голубая его лента машется [РЭП, 1991, с. 264].

Вторым главным персонажем является, безусловно, князь Волконский / Волгинский [РЭП, 1901, с. 264—265]. Вариации возникали в связи с желанием показать сложные отношения князя, княгини и ключника. Несколько раз князь сокрушается по поводу своей гневливости, вспыльчивости. Так, в концовке баллады, исполненной Киселевым, сообщается:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,

А княгинюшку-душу во крепе держать! [Там же, с. 264].

У Голыженского в концовке следует объяснение:

Лучше би я знал, ключника (в) иной город сослал,

А княгинюшку-душу во крепких руках держал! [Там же, с. 265].

Важным персонажем является княгиня, которая зримо предстает только в концовке песни. Она вызывает сильные чувства у двух соперников: мужа-князя и ключника. Ключник вполне просто показывает связь с княгиней, но при этом именует ее «лебедушкой» [Богораз, 1901, с. 283], время, проведенное с ней, называет лучшим [Чарина, 2013, с. 434]. Не случайна гибель отчаявшейся княгинюшки, бросившейся «на два ножичка булатные» [РЭП, 1991, с. 264].

Наконец, нельзя упустить из внимания ключницу, которая донесла князю об отношениях ключника и княгини. В единичном случае в концовке баллады присутствует характеристика ее психологического состояния: *А и ключница по ключнику убивается* [Чарина, 2013, с. 434]. Оказывается, и она переживает, однако вовсе не из-за своего поступка: психологизация образа и динамика состояний героев не соответствовали бы жанру. Неясно, раскрывается ли она, но скорее ее страдания лишь логически дополняют статичный образ женщины, уязвленной потерей: ключника забрала у него сначала княгиня, а затем смерть.

Таким образом, можно отметить, что балладные песни про князя Волконского и ключника на Северо-Востоке Сибири не только разрабатывали неординарную ситуацию, но и весьма вариативно показывали сложные взаимоотношения героев.

3.5. Изменения в балладе о ключнике за столетие

У нас имеются записи балладной песни о князе Волконском и ключнике, сделанные в Нижнеколымске, Среднеколымске в 1893—1895 годах и в Русском Устье в 1946, 1985 годах.

Такой фактор, как близкие связи русскоустыинцев и походчан, оказал влияние на их творческие традиции: некоторые песни присутствуют в репертуаре исполнителей обоих сел, в том числе близкие варианты балладной песни о князе Волконском и ключнике.

Записи конца XIX века, сделанные Д. И. Меликовым и В. Г. Богоразом, показывают, что общий объем текстов — 61 и 51 стих соответственно. Эти варианты достаточно последовательно и подробно повествуют о событиях в доме Волконских. Так, в меликовском варианте следующее развитие сюжета: донос ключницы, гнев князя, допрос ключника, требование казнить ключника, его песня под окнами княгини, гибель ключника и княгини, сожаление ключницы [Чарина, 2013, с. 432—434]. В варианте Богораза ключница «в доклад пошла, гнев князя, допрос ключника, требование князя казнить ключника, его песня под окнами княгини, гибель ключника и княгини, сожаление князя о докладе ключницы, «я когда-нибудь сам доведася» [Богораз, 1901, с. 282—283].

Проанализируем варианты баллады XX века.

Текст, записанный в 1946 году от С. П. Киселева, включает в себя 43 стиха, композиция традиционна: зачин с «ключницей», развитие сюжета — вызов ключника, расправа князя, далее в концовке погибают ключник, княгинюшка. Князь сетует на то, что допустил скорую расправу:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,
А княгинюшку-душу во крепе держать! [РЭП, 1991, с. 263].

Однако в данном варианте отсутствует фамилия *Волконский*. Вместо «*Волконский князь*» фигурирует некий «*военный князь*» [РЭП, 1991, с. 263]. Поэтому понятно развитие мотива, объясняющего постоянное отсутствие князя в своем доме.

В другом варианте, записанном в 1946 году от И. Ф. Голыженского, насчитывается 28 строк. Этот текст значительно короче, однако описания деталей присутствуют: «*голубой кафтан*, «*голубая ленда*» ключника [Там же, с. 264].

В обоих вариантах 1946 года вместо палачей действуют «*солдаты*» [Там же, с. 263, 264].

В целом, записи баллады XX века отличаются тем, что они короче: 43 стиха и 28 стихов соответственно. Ю. И. Смирнов также отмечал, что «индигирские варианты баллады, сохраняя в определенной степени эпический стиль, утратили начало и ряд подробностей» [Там же, с. 415].

Таким образом, балладные песни о князе Волконском и ключнике бытовали с XIX века до середины XX века на Колыме и Индигирке, тексты сохранялись и усваивались исполнителями за счет напряженного сюжета, психологизации в показе образов, а также напевности. Об этом пишет Т. С. Шенталинская: «Интонационная и метроритмическая общность индигирских и колымских напевов хорошо заметна не только при их анализе, но и на слух» [Там же, с. 51].

4. Заключение = Conclusions

Итак, балладные песни на Северо-Востоке Сибири бытовали и фиксировались с конца XIX века по 80-е годы XX века.

При сравнении с историческими песнями, фиксировавшимися в указанный период в разных местах России, видно, что балладные песни имели меньшее количество сюжетов, но эти песни («Теща у зятя в плену», «Федор Колыщатой и Софья-волшебница», «Угрозы девушки молодцу», «Сон о рождении сына и смерти жены», «Князь Роман жену терял», «Князь и ключник») долго находились в активном репертуаре, почти не теряя важных эпизодов, образов. Также записи XIX века на Колыме показывают, что тексты баллад значительно короче вариантов, которые фиксировались в иных местах бытования баллады, например, баллада «Уж на горке возле речки...» (по сюжету «Князь Волконский и Ваня-ключник»), зафиксированная в Москве (из архива РГО, включена в сборник Д. М. Балашова «Русские народные баллады», Москва: Современник, 1983), насчитывает 81 стих [Баллады ..., 2001, с. 345—348]. Однако к концу 70-х годов XX века, как и весь эпический фольклор, балладные песни на Северо-Востоке Сибири утратились.

Если задаться вопросом, почему балладные песни составляют небольшой процент по отношению к былинам, то можно привести соображения Ю. И. Смирнова о том, что «косвенным подтверждением преимущественной роли мужчин в перенесении эпических текстов и в сложении за Уралом местных репертуаров служит тот факт, что в Сибири почти нигде не находили столь любимые женщинами баллады в подобной былинам классической форме <...> место баллад здесь обычно занимают песни балладного типа с более поздними эволюционными качествами и, как представляется, позднее туда занесенными» [РЭП, 1991, с. 45—46].

В статье мы рассмотрели особенности бытования двух балладных песен, бытовавших на Индигирке, Колыме с притоком Анюем.

Балладная песня «Теща в плену у зятя» зафиксирована в разных местах Северо-Востока Сибири: на Индигирке, Колыме, на Анюе (притоке Колымы) с середины XX века по 80-е годы XX века. Песня имеет разные варианты, а в записи текста, который бытовал на Анюе, отразились реалии, связанные с местными событиями — сражениями русских с чукчами в XVIII веке и их последствиями [РЭП, 1991, с. 207—208]. В тексте происходит изменение идентификации героини-полонянки, что, видимо, неважно для исполнителей. Некоторые образы и мотивы баллады позволяют предположить, что ее исполняли женщины. Тексты этой баллады включают образы, заимствованные из других песенных жанров.

Балладная песня «Князь Волконский и Ванька ключник» также бытовала и на Индигирке, и на Колыме с ее притоками. Заметно, что первые записи песни «Князь и Ванька-ключник» наследуют традиции первоначального текста. Видно, что баллада была утрачена к 70-м годам XX века. Варианты песни XIX века различаются в отношении описываемых оттенков человеческих эмоций, несмотря на то что они зафиксированы в двух близких селениях (Нижеколымск, Среднеколымск): в одном варианте доносчица ключница «по ключнику убивается» [Чарина, 2013, с. 432—434]. В другом варианте подчеркивается гневливость князя [Богораз, 1901, с. 282—283].

Тексты баллад практически не испытали влияния языков соседних этносов. Важно, что при общей установке исполнения в соответствии с жанром местный исполнитель находил возможность отразить трагические события не в исторической песне, а в балладе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Баллады* / сост., подгот. текстов и комментарии Б. П. Кирдана. — Москва : Русская книга, 2001. — 464 с. — ISBN 5-268-00784-X.
2. *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1901. — Т. 68. — № 4. — 346 с.
3. *Былины* / составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф. М. Селиванова. — Москва : Советская Россия, 1988. — 576 с.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва : Прогресс, 1994. — Т. 1—4.
5. *Дружинина М. Ф.* Фразеологизмы в старожилческих русских говорах на территории Якутии / М. Ф. Дружинина. — Якутск : Северо-Восточный федеральный университет, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-75-1786-7.
6. *Путилов Б. Н.* Славянская историческая баллада / Б. Н. Путилов. — Москва ; Ленинград : 1965. — 170 с.

7. РНП — *Русская народная поэзия : эпическая поэзия / составление, подготовка текста, вступительная статья, предисловие к разделам и комментарии Б. Путилова.* — Ленинград : Художественная литература, 1984. — 440 с.

8. *Русская баллада / предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева, вступительная статья Н. П. Андреева.* — Москва : Советский писатель, 1936. — 598 с.

9. РЭП — *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / составитель Ю. И. Смирнов.* — Новосибирск : Наука, 1991. — 499 с.

10. ФРУ — *Фольклор Русского Устья / ответственные редакторы С. Н. Азбелев, И. А. Мещерский.* — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.

11. *Чарина О. И.* Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Выпуск 8. — С. 110—114.

Литература

1. *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора / С. Н. Азбелев. — Ленинград : Наука, 1982. — 327 с.

2. *Базилишина Р. Н.* Фольклорная традиция на краю ойкумены : сказки Русского Устья : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / Р. Н. Базилишина. — Иркутск, 2000. — 22 с.

3. *Балашов Д. М.* История развития жанра русской баллады / Д. М. Балашов. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1966. — 72 с.

4. *Игумнов А. Г.* Поэтика русской исторической песни / А. Г. Игумнов. — Новосибирск : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-02-032394-0.

5. *Игумнов А. Г.* Поэтика конкретности историзма в русском историко-песенном фольклоре : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / А. Г. Игумнов. — Улан-Удэ, 2011. — 39 с.

6. *Кляус В. Л.* Песенный фольклор русскоустинцев в Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении / В. Л. Кляус, С. В. Супряга. — Курск : Издательство Регионального открытого социального института, 2006. — 213 с. — ISBN 5-88995-093-2.

7. *Краюшкина Т. В.* Образы иноплеменников в песенном фольклоре восточных славян Сибири и Дальнего Востока : к проблеме межэтнических коммуникаций в традиционной культуре / Т. В. Краюшкина // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 2. — С. 7—19. — DOI 10.17223/18137083/63/1.

8. *Кулагина А. В.* Русская народная баллада. Учебно-методическое пособие / А. В. Кулагина. — Москва : Издательство Московского университета, 1977. — 104 с.

9. *Кулагина А. В.* Традиционная образность баллад / А. В. Кулагина // Традиции русского фольклора. — Москва : Издательство московского университета, 1986. — С. 69—101.

10. *Нешина А. Ю.* Старинная и новая русская народная баллада (преемственность и новация) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / А. Ю. Нешина. — Москва, 2007. — 20 с.

11. *Покатилова Н. В.* Предания как фольклорный текст : «верхоянский» локус от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина / Н. В. Покатилова // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 4. — С. 100—109. — DOI: 10.25693/SVG.2022.41.4.009.

12. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Наука, 1969. — 168 с.

13. Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада / Б. Н. Путилов. — Москва ; Ленинград : 1965. — 176 с.
14. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск : Наука, 1979. — 304 с.
15. Рычкова Н. Н. Исторические трансформации балладного сюжета о Ванюше-ключнике / Н. Н. Рычкова // Традиционная культура. — 2014. — № 3(55). — С. 11—19. — EDN SVNJWB.
16. Семенец В. Ю. Баллада «Ванька-ключник» из архива пижемского фольклориста Ильи Чуркина / В. Ю. Семенец // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики : материалы II Научно-практической конференции к юбилею доктора филологических наук, профессора Якушевой Галины Викторовны, Москва, 25 февраля 2021 года. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 368—374. — ISBN 978-5-98269-250-4.
17. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири / Л. Н. Скрыбыкина. — Новосибирск : Наука, 1995. — 364 с. — ISBN 5-02-030760-2.
18. Смирнов Ю. И. Восточно-славянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий / Ю. И. Смирнов. — Москва : Наука, 1988. — 117 с.
19. Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — С. 9—48. — ISBN 5-02-029729-1.
20. Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Е. Л. Тихонова. — Улан-Удэ, 2018. — 61 с.
21. Чарина О. И. Традиционные исторические песни русских старожилов Якутии: варианты песни о графе Чернышеве / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2022. — № 11 (7). — С. 318—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333.
22. Шенталинская Т. С. Еще раз о записях русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией : диалог с Е. И. Якубовской / Т. С. Шенталинская // Русский фольклор. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 498—531. — ISBN 9785860078260.
23. Шенталинская Т. С. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Т. С. Шенталинская ; сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — С. 48—56. — ISBN 5-02-029729-1.
24. Шуб Т. А. Исторические песни из Русского Устья / Т. А. Шуб // Русский фольклор : материалы и исследования : в 36 томах. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — Т. III. — С. 361—368.
25. Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона / Е. И. Якубовская // Русский фольклор. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 33. — С. 181—246. — ISBN 978-5-02-025209-7.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.08.2023,
подготовлена к публикации 25.08.2023.

Material resources

Ballads. (2001). Moscow: Russian Book. 464 p. ISBN 5-268-00784-H. (In Russ.).
Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of Kolyma Russian dialect*, 68 (4). St. Petersburg: Type. Imp. AN. 346 p. (In Russ.).

- Charina, O. I. (2013). Folklore recordings made by D. I. Melikov in the Nizhnekolymsky Krai in 1893. In: *From history Russian folklore*, 8. Saint Petersburg: Nauka. 110—114. (In Russ.).
- Chernyshev, V. I. (ed.). (1936). *Russian ballad*. Moscow: Soviet writer. 598 p. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1994). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian*. Moscow: Progress. 1-4. (In Russ.).
- Druzhinina, M. F. (2013). *Phraseologisms in old-timer Russian dialects on the territory of Yakutia*. Yakutsk: North-Eastern Federal University. 280 p. ISBN 978-5-75-1786-7. (In Russ.).
- Epics*. (1988). Moscow: Soviet Russia. 576 p. (In Russ.).
- FRU — *Folklore of the Russian Mouth*. (1986). Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1965). *Slavic historical ballad*. Moscow; Leningrad. 170 p. (In Russ.).
- RAP — *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. (1991). Novosibirsk: Nauka. 499 p. (In Russ.).
- RNP — *Russian folk poetry. Epic poetry*. (1984). Leningrad: Fiction. 440 p. (In Russ.).

References

- Azbelev, S. N. (1982). *Historicism of epics and specifics of folklore*. Leningrad: Nauka. 327 p. (In Russ.).
- Balashov, D. M. (1966). *The history of the development of the genre of Russian ballads*. Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House. 72 p. (In Russ.).
- Basilishinam, R. N. (2000). *Folklore tradition on the edge of the Ecumene: tales of the Russian Mouth*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 22 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2022). Traditional Historical Songs of Russian Old-Timers of Yakutia: Versions of the Song about Count Chernyshev. *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 318—333. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333> (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2011). *Poetics of concreteness of historicism in Russian historical and song folklore*. Author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 39 p. (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2007). *Poetics of Russian historical song*. Novosibirsk: Nauka. 252 p. ISBN 978-5-02-032394-0. (In Russ.).
- Klyaus, V. L., Supryaga, S. V. (2006). *Song folklore of the Russo-Ustin people in Yakutia and the Semey Transbaikalia. Materials for the study of existence in a non-ethnic environment*. Kursk: Publishing House of the Regional Open Social Institute. 213 p. ISBN 5-88995-093-2. (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2018). Images of foreigners in the song folklore of the Eastern Slavs of Siberia and the Far East: to the problem of interethnic communications in traditional culture. *Siberian Journal of Philology*, 2: 7-19. DOI 10.17223/18137083/63/1. (In Russ.).
- Kulagina, A. V. (1977). *Russian folk ballad. Educational and methodical manual*. Moscow: Moscow University Press. 104 p. (In Russ.).
- Kulagina, A. V. (1986). Traditional imagery of ballads. In: *Traditions of Russian folklore*. Moscow: Moscow University Press. 69—101. (In Russ.).
- Neshina, A. Yu. (2007). *Old and new Russian folk ballad (continuity and innovation)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Pokatilova, N. V. (2022). Legends as a folklore text: the “Verkhoyansk” locus from G. V. Ksenofontov to A. A. Savvin. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 4: 100—109. DOI: 10.25693/SVG.V.2022.41.4.009. (In Russ.).

- Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of a fairy tale*. Leningrad: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1965). *Slavic historical ballad*. Moscow; Leningrad. 176 p. (In Russ.).
- Russian folk tales of Siberia about heroes*. (1979). Novosibirsk: Nauka. 304 p. (In Russ.).
- Rychkova, N. N. (2014). Historical transformations of the ballad plot about Vanyusha the key-keeper. *Traditional culture*, 3 (55): 11-19. (In Russ.).
- Semenets, V. Yu. (2021). The ballad “Vanka the key-keeper” from the archive of the Pizhemy folklorist Ilya Churkin. In: *Russian Literature in a Multilingual World: Issues of Axiology, Poetics and Methods*. Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian. 368-374. ISBN 978-5-98269-250-4. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (2016). Once again about the records of Russian folklore by the American North Pacific Expedition: a dialogue with E. I. Yakubovskaya. In: *Russian Folklore. Materials and research*, 35. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 498—531. ISBN 9785860078260. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 48—56. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Shub, T. A. (1958). Historical songs from the Russian Mouth. In: *Russian folklore: materials and research: in 36 volumes, III. Russian Folklore*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 361—368. (In Russ.).
- Skrybykina, L. N. (1995). *Epics of the Russian population of the North-east of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 364 p. ISBN 5-02-030760-2. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1988). *East Slavic ballads and forms close to them. The experience of the index of plots and versions*. Moscow: Nauka. 117 p. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 9—48. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Tikhonova, E. L. (2018). *Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region*. Author’s abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 61 p. (In Russ.).
- Yakubovskaya, E. I. (2008). Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma in the records of V. G. Bogoraz and V. I. Iokhelson. In: *Russian Folklore*, 33. Saint Petersburg: Nauka. 181—246. ISBN 978-5-02-025209-7. (In Russ.).

*The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 15.08.2023;
accepted for publication 25.08.2023.*